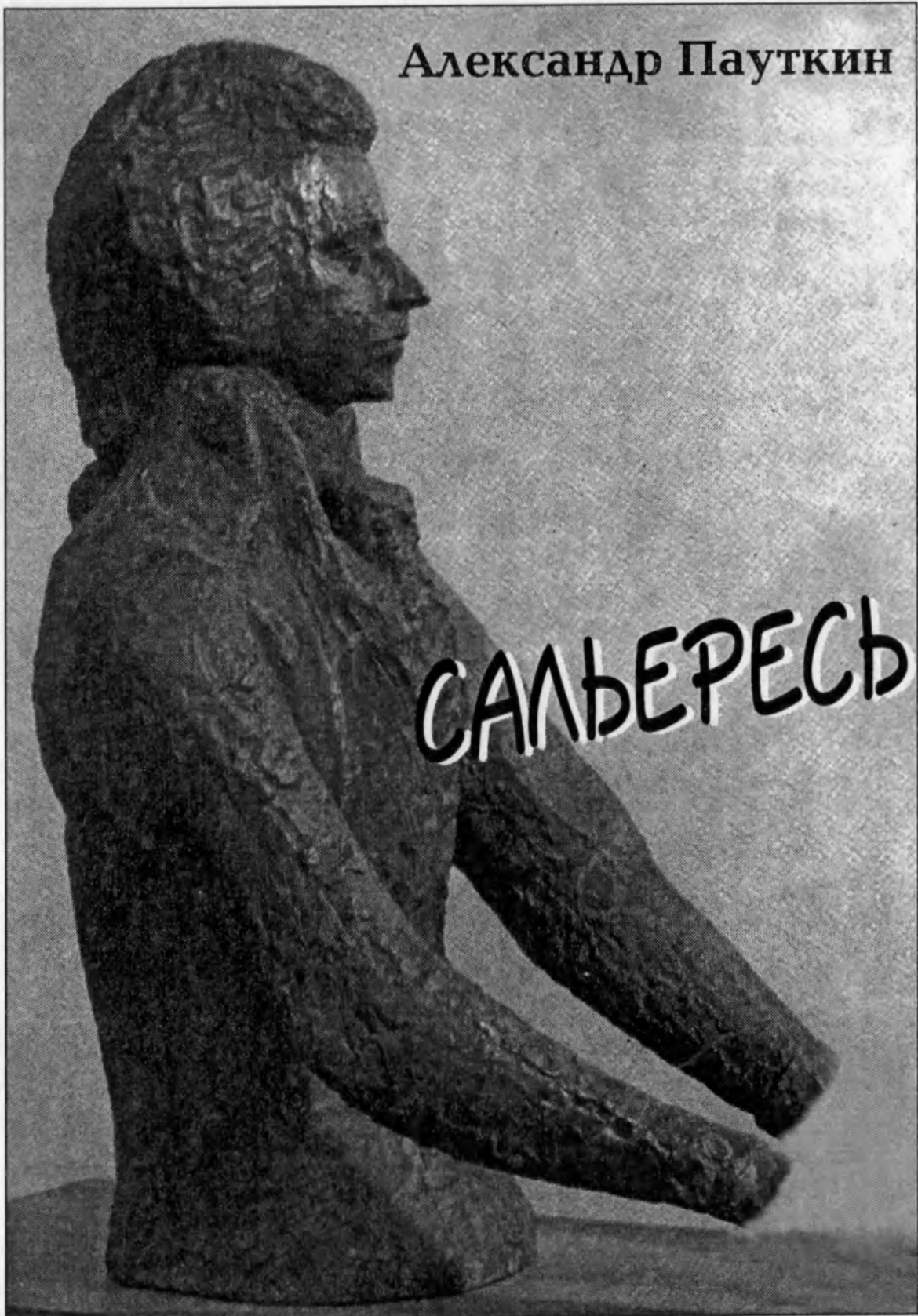

Александр Пауткин

САЛЬЕРЕСЬ

Александр Пауткин

САЛЬЕРЕСЬ

Эссе, афоризмы,
этюды

Тамбов 2004

ББК 84 (2Рос)

П 21

Пауткин А. Б.

П 21 Сальерсь. Эссе, афоризмы, этюды. —
Тамбов, ОГУП «Тамбовполиграфиздат»,
2004. — 64 с.

ISBN 5-94359-009-9

© Пауткин А. Б. , 2004
© Оформление и верстка ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2004

САЛЬЕРЕСЬ

1

С середины 80-х годов двадцатого века начинается процесс раскультирования России. Его движущая сила — вольноотпущенные СМИ. Их цель: задвинуть традиционную культуру туда, куда «Макар телят не гонял», а ее место отдать разбитной масскультуре. Они добились своего. Подлинная культура сегодня в резервации. По России мчится маскульт. Несется, не останавливаясь перед запрещающим светом нравственных норм. И никакого вмешательства властей. «Это противоречит российской Конституции, мы — демократическая страна». Так и вспомнишь большевиков. Уж как они боролись с политическим инакомыслием, но на культуру не посягали, за вычетом отдельных случаев. Их культурная политика в целом сыграла глубоко положительную роль в истории России после семнадцатого года. Несмотря на то, что она, как сваи в землю, вбивалась в головы людей. Горбачев решил освободить нас от предрассудков социализма. «Да будет плюрализм!» — сказал генсек. И наступил плюрализм, то есть равноправие всех мнений, всех точек зрения, всех вкусов — от самых высо-

---

ких до самых низких, низменных и просто ублюдочных.

2

Я еще застал те добрые для культуры времена, когда по утрам в эфире царил бравурный русский марш. И не только марш.¹ До сих пор помню не раз звучавшие по радио в годы оттепели записи оркестра NBC под управлением А. Тосканини, вечерние трансляции концертов В. Софроницкого, Н. Обуховой, Д. Ойстраха, С. Кнушевицкого. Радиопостановки пьес классического репертуара от Шекспира до Чехова. Сколько рождалось тогда самодеятельных певческих коллективов! После чудовищного стресса предвоенных и военных лет, пение было для людей душевной разрядкой. Вместе с песенным официозом в репертуар любительских хоров входили: хор охотников из «Вольного стрелка» Вебера, хор девушек из «Аскольдовой могилы» Верстовского, «Попутная песня» Глинки, песни Дунаевского и Пахмутовой. Совсем недурная была в то время самодеятельность. Ее бы уровень некоторым нынешним профессиональным коллективам!

---

¹ Если правительству России нужны патриотически настроенные граждане, пусть распорядится вернуть в эфир музыку русского военного марша. Она будет альтернативой громоздкому и бесперспективному патриотическому, по сути же — милитаристскому воспитанию, плодящему рабов доктрины. Русский военный марш — вот лучшая и безболезненная инъекция патриотизма.

Составной частью механизма раскультирования является переосмысление роли исторических личностей. На фоне тех омерзительных вещей, которыми изобилуют СМИ, в особенности телевидение — дешевые бульварные парадоксы не так вредны для рядового человека. Правда, до тех пор, пока они не стали официальной точкой зрения господствующего класса. В России хозяйничает зарвавшаяся буржуазия — желтых парадоксов лучший друг. Она уже активно прибирает их к рукам, что в перспективе означает просвещение со знаком «минус», новый догматизм под либеральной вывеской свободы мнений. Власть СМИ и стоящих за ними хозяев — воистину власть тьмы.

Вот некоторые образчики бульварного ревизионизма:

1. Николай второй. Чеховский интеллигент на троне, нераспознанный массами благодетель (И. Бунич, Э. Радзинский).

2. Григорий Распутин. Самородок и праведник, оклеветанный масонами (О. Платонов).

3. Сальери. Незаслуженно забытый композитор, который вовсе не завидовал Моцарту, тем более не отравлял его (Э. Блом, А. Гордон и др.).

Относительно личности императора Николая второго констатирую: точка зрения господ И. Бунича и Э. Рад-

---

зинского крепко и, видимо, надолго засела в умах рядовых граждан, а если учесть недавнюю канонизацию царя-мученика, то налицо ее полная победа.

Вторая фигура — Григорий Распутин. Если верить православному историку О. Платонову (но лучше не надо), человек благих помыслов. Фигура сибирского старца находится, как теперь говорят, в процессе раскрутки. А раскрутка сия на предмет канонизации. Не одним же либералам заниматься отмыиванием одиозных исторических лиц. Пусть и православные деятели попробуют.

А вот и премьера: вместе с Распутиным на соискание звания святого выдвигается — кто бы вы думали?

Царь Иван IV, Грозный. В чаду — не иначе, мозги у части духовенства. Не дает покоя канонизаторский зуд. Но перейдем к личности Сальери. С времен развитого социализма слышу разговоры (сначала — кулуарные, а теперь уже во весь голос в СМИ) о приветливом маэстро, не знающем чувства зависти: «впечатляющий успех при дворе кайзера, творческая плодовитость, награды от августейших особ — все это исключает зависть к человеку необеспеченному, не вылезавшему из долгов, из хаотичного быта, чья музыка далеко не всегда находила понимание у придворной знати. Скорее Моцарт должен был завидовать Сальери и завидовал — почему бы нет? Моцарт просто не мог не завидовать везучему итальянцу».

Такова логика рассуждений тех, кто решил произвести что-то вроде переворота во взглядах на личность Сальери и его творчество. А поскольку эти люди имеют

постоянный доступ к средствам массовой информации, их замыслу обеспечено мощное подкрепление.

5

Был ли Моцарт отравлен Сальери, или его убила карета, как метафорически выразился Лимонов, оставим за рамками эссе. Замечу мимоходом: обе версии пока равноправны, хотя по известным причинам, о которых ниже, сегодня имеет хождение вторая, объясняющая смерть Моцарта болезнью суставов, приобретенной во время бесконечных переездов с их тяготами и неудобствами. Первая же представлена книгами Д. Вейса, опирающегося на труды западных ученых (увы, на русский до сих пор не переведенных), где собраны, так и хочется сказать, — убийственные материалы в подтверждение насильственной смерти Моцарта.

6

Появление у нас в России интереса к личности Сальери, его музыке — в общем-то, закономерно. Свобода выбора, плюрализм сверху донизу. На дворе — то ли новое средневековье, предсказанное Бердяевым, то ли совковый ренессанс, то ли еще бог знает что, чему и названия не подыщешь. Рекрутам Рынка требуются духовно родственные исторические фигуры — от экономики и политики до искусства и науки. Им, как большевикам, как нацистам, после захвата власти безразличен вопрос о преемственности духа. Для большевиков

одной из близких исторических фигур в музыке была фигура Бетховена. Нынешним хозяевам России этот гений с его мечтой о братском слиянии миллионов сердец, явно неинтересен. В цене сегодня — личности приземленные, успешные приспособленцы, плодovитые ремесленники. Абсолютным нюхом нынешние заправилы культуры узнают «своих» даже в прошлом. Так они вышли на Сальери, и, кажется, готовы сделать его духовным предтечей. Что ж, логично. «Наш современник Антонио Сальери». Любимец английского музыковеда Э. Блома, наших образованцев — журналиста А. Гордона и виолончелиста-аутентиста А. Рудина. Не думаю, чтобы музыка Сальери сильно нравилась указанным господам (у них интерес к ней — лицемерный, чисто конъюнктурный), но вот его прирожденное интригантство и пронырливость, им, без сомнения, близки.

7

Хорошо, не убивал Сальери Моцарта. Примем эту версию, хотя мне она всегда казалась малоубедительной. Но как быть с его завистью к величайшему композитору всех времен и народов? А ведь она имела место, что бы ни говорили сальеристы, отечественные и зарубежные. Чем, если не завистью вызваны его интриги против Моцарта, а впоследствии против Бетховена и Шуберта? Строки моцартовских писем свидетельствуют не в пользу Сальери. Из письма отцу: «...господа враги совершенно уязвлены! А тут новая интрига г-на

Сальери, которая повредила не столько мне, сколько бедному Адамбергеру. Мне кажется, я писал вам, что сочинил рондо для Адамбергера!» Или: «...тут у нас в качестве поэта есть некий аббат Да Понте. Он, однако страшно занят в театре правкой уже готовых либретто. Сейчас он должен *per oblige* сделать совершенно новую пьесу для Сальери. Раньше чем через 2 месяца это готово не будет. После этого он обещал мне написать новую пьесу, только кто знает, сможет ли и захочет ли сдержать свое слово! Вы же знаете как милы господа итальянцы, когда глядят вам в глаза! Знаем мы их! Если он сблизится с Сальери, то мне до конца жизни ничего не получить». Из письма Пухбергу: «...в четверг приглашаю Вас (только Вас одного) в 10 часов утра к себе на небольшую репетицию оперы. На нее я приглашаю только Вас и Гайдна. При встрече расскажу вам об интригах Сальери, которые, однако, все уже расстроились».

Из писем видно, как хотелось бы Моцарту не замечать происков интригана, не придавать им слишком большого значения. Этот психологический штрих подталкивает меня к следующему выводу: допустим, Сальери не устранял Моцарта с помощью яда, просто последовательно отравлял ему жизнь ядовитым клубком интриг, порожденных самой черной завистью. Однако его апологеты, западные и российские, стоят на своем: «никогда не будет богатый и удачливый завидовать небогатому и невезучему. Завидовать умеют только бедные. Только они трясутся при виде чужого богатства». Ну, а если у бедного — дар Божий, а богатому не повез-

---

ло? Тогда и наш богач, понимая (бывают ведь и умные среди них), что на одном избытке денег далеко не уедешь и насколько велик престиж таланта во все времена, вдруг ощутит некий дискомфорт внутри, особенно находясь в обществе людей даровитых. Именно эта история случилась с Антонио Сальери. Мастер закулисных маневров, он в лице Моцарта, мстил природе за то, что не дала ему крыльев.

8

Прежде чем приступить к последнему разделу, я переслушал компакт-диск серии «Золотая коллекция» с записью оперных увертюр Сальери: музыка, надо сказать, не первой свежести, с неумолимо квадратным строением фраз. С темами, топчущимися на одном месте. Музыка — у которой в глазах не рассветает. Плюс ко всему какой-то солдафонский пафос. Где национальный дух автора? Где хотя бы капля хваленного итальянского *bel canto*? Одна застегнутая на все пуговицы неметчина. Мне трудно назвать Сальери второстепенным композитором, поскольку он не выдерживает сравнения с интересными мастерами второго ряда, такими как Зюсмайр, Гуммель (ученики Моцарта), Керубини, Адан, Массне. Когда Моцарт у Пушкина говорит: «...да, Бомарше ведь был тебе приятель; ты для него «Тарара» сочинил, вещь славную. Там есть один мотив, я все твержу его, когда я счастлив», — мне ясно, что это наивная лесть гения, снисходящего до тщеславной бездарности. В редкие минуты счастья Моцарт, я уверен,

---

напевал мотивы собственных сочинений. Он слишком уважал свой талант, чтобы позволить себе насвистывать дрянные мелодии проходимца. Между прочим, никто из крупных писателей — меломанов не вспомнил о Сальери. Ни Гейне, ни Стендаль, ни Шопенгауэр, ни Ницше. Хотя найдем у них отзывы о других композиторах, гениальных и просто хороших. Так стоит ли переводить автора заурядных сочинений, врага Моцарта, в разряд замечательных второстепенных мастеров? Реабилитация мрачной фигуры Сальери есть акт вторичного убийства творца «Дон Жуана».

9

Одна из многочисленных опер Сальери называется «Богач на день». Перефразируя название, можно сказать: Сальери всю свою долгую жизнь был композитором на день. Он хорошо это понимал и поэтому отчаянно завидовал заложнику вечности — Моцарту. История не ошиблась. Уши мои — тоже. Заслуженно забыт Сальери, заслуженно осужден молвой. Все остальное — ересь.

---

* * *

Стащили с нас одеяло идеалов... И стало так холодно без равенства наций, без справедливости, без героизма и коллективизма...

А многие и в прямом смысле замерзают. От «реформ» несусветно бесстыжего рыжего русоненавистника.

---

* * *

Ницше говорит где-то, что народу, бывшему свидетелем, либо участником великих событий, требуется разрядка в виде шалости. Психологически очень убедительно, тем более в применение к нам, русским. Вот мы и пошалили, покуражились, позанимались мазохизмом. Как всегда, свирепо. В этих занятиях прошло целое десятилетие с 1987 по 1997 год. А затем, махнув рукой — «а, черт с ними», простили Горбачеву и Ельцину предательство национальных интересов, Березовскому — несправедливо нажитое богатство, Путину — кагэбэшность, Зюганову — политическую пассивность.

---

* * *

Раз уж по известным причинам, мы не можем пока грозить миру, то будем хотя бы периодически вгонять его в шок с помощью «Тату», Абрамовича, Денежкиной и других, им подобных.

---

* * *

Барокко прохановских передовиц, разрастаясь, превращается в романы. «Чеченский блюз», «Господин Гексоген», «Последний солдат империи» — все это соц-реализм, хотя и с нагрузкой в виде фантастики. Как средство политического ликбеза они, быть может, кому-то и полезны, но особых литературных достоинств я в них не нахожу.

---

* * *

Наконец-то Россия нашла к кому прислониться в лице сильной заокеанской державы, а вы все твердите о каком-то предательстве национальных интересов.

---

* * *

Невозможность мечтать азартно и расточительно, вот что угнетает меня на пути к старости. Ограничения в еде — ерунда по сравнению с ограничениями в области духа. Хотя вроде бы мечтам, как и любви «все возрасты покорны». Юность — уж точно. Она не просто мечтает, она ударяется в мечтанья, как в бега. Ассортимент мечтаний неограничен. Есть куда мечтать — будущее открыто, мечтай, не хочу! Но — «мечтательный старик»? После пятидесяти, когда даже близкое будущее вот-вот закроется. О чем? Не считать же мечтой желание поскорее освободиться хотя бы от одной из болячек в организме.

---

* * *

Их преданность хозяину начинается уже с интонаций, взятых у его голоса.

---

* * *

Алина Лебедева была все же неправа, избрав для изящного туше гвоздиками августейшую особу, чем-то похожую на комика Фернанделя. Всю ответственность за внешнюю политику Англии несет ее премьер-министр Тони Блер. По его лицу можно было бы и веничком пройтись. А принц Чарльз, как и подобает аристократу, великодушно простил дебютантку. Не дал рижским властям бросить ее за решетку, хотя руки у них сильно чесались. На месте принца увез бы я красавицу Алину с собой в Англию, озолотил бы ее, осчастливил, бросил бы Лондон к ее ногам. Все. Ни о каком национал-большевизме она больше не вспомнит. Никогда. Never more.

---

* * *

Как упоительна неторопливость повествования у Пруста, у Набокова, у Газданова, у позднего Катаева! И как она подчас утомительна у Льва Толстого и Солженицына.

---

* * *

Не так страшен ученик, как его родитель.

---

* * *

Суицид не терпит суеты.

---

* * *

Опасное существо — человек без комплексов.

---

* * *

Сдается мне, что жизнь загробная (если она существует), так же тревожна, многообразна и непроста, как жизнь земная.

Возможно, и там придется претерпеть много кое-чего, повертеться как следует, прежде чем привыкнем к реалиям потустороннего мира. Возможно, и там надо будет шевелить (мозгами?), выбирая между добром и злом и будет повод для сожалений и досады, для радости и негодования. А предстоящие душе, в первые минуты выхода из тела воздушные мытарства? Еще она едва огляделась, не освоилась, еще «не в своей тарелке», а ее уже испытывают на прочность. Сплошное *furioso*, от него криком изойдешь: хочу домой, верните в жизнь земную!

---

* * *

Все так помешаны на финансах, что даже имя существительное «человек» произносят как... «чек».

---

* * *

«Чем книга чернее и листаней, тем прелесть ее задушевней», — утверждает Пастернак в одном из своих стихов. У меня совсем наоборот. Чем книга чернее от грязных рук, ее листавших, тем меньшую прелесть (не говоря уж о задушевности), она для меня представляет, несмотря даже на все богатство ее содержания. Я люблю ее абсолютно новенькую, остро пахнущую типографской краской, беру и подношу ее к лицу, насыщаясь запахом страниц; так целуют женщину в грудь и в цезуру между. Я повторяю этот (воспользуемся определением поэта) задушевный ритуал несколько раз на дню, а книга все пахнет и просит прочесть себя.

---

* * *

Пригубив Пригова, говорю: изуверский высококлассный юмор многознающего, но не во что не верящего поэта. Большеротый юрод, скоморох, абсурдист. Кажется, будто из компашки Передонова он удрал в современную словесность, прихватив с собой недотыкомкино племя. Веселый изувер, Пригов обрабатывает в духе гиньоля то, что осталось от прежней советской жизни. Он делает совку трагикомические гримасы, поет триллероподобные стихи-песенки о нем, родимом, о его думах и снах. Он гротескует триллерописьмом. Как черный духовник изгоняет беса из прихожанки, так Пригов с невинным озорством изгоняет из нас совка. Неужто он верит в Россию? Не думаю, скорее он ее понимает (тут я не с Тютчевым). Чувствует даже, хотя вряд ли любит. Пригов изгоняет совка суггестивной мощью поэтического слова. Читая его стихи, делаю вынужденные паузы, надо же просмеяться. А смеюсь до упаду. Вместе со смехом и он выходит, совок выходит.

---

* * *

Ницшевский «Антихрист», как известно, имеет подзаголовок «Проклятие христианству». Подобно ему, «Архипелаг Гулаг» Солженицына мог бы иметь подзаголовок «Проклятие коммунизму». Эти две книги написаны кровью и желчью. В состоянии перманентного, но не всегда праведного гнева.

---

* * *

По сравнению с Нуриевым, все балетные танцоры — надутые самцы, бездушно деловитые в показе своих антраша и пируэтов. В том числе и голливудский парень Барышников. Все они берут силой и ловкостью ног. Нуриев брал не только силой и техникой. Он был излучением той самой высшей женственности, без которой я не мыслю искусство танца. Как жаль, что из-за нехватки чисто физических сил для поддержки партнера, мужские роли в балете не могут исполняться женщинами. О, Нуриев, чудесный андрогин!

---

* * *

Хорошо, что социализм издох. Плохо то, что он не похоронен, и мы уже много лет дышим зловонием. Впрочем, кому-то нравится. Кто-то равнодушен к мертвечине и не прочь отдаться работе с ней. Один из них — писатель Владимир Сорокин. После взятия на учет путинскими соколами, его имя в литературе гремит пуще прежнего. Как ни странно, Сорокин напоминает мне А. Платонова. Да, да, Сорокин — это Платонов сегодня. Подобно тому, как автор «Котлована» описывал рожденные революционным психозом химеры и обусловленный ими быт простых людей, так сегодня Сорокин в жесткой современной манере описывает продукт разложения советского строя — российский капитализм с его химерами зомбированного сознания.

---

* * *

4то делать с темнотой дирижерской профессии?
Сохранять и преумножать. Это в интересах самих ди-
рижеров.

---

* * *

Если выбирать между рубато и незыблемостью ритма, то я выбираю второе. Рубато, в конце концов, приедается, ритм — никогда.

---

* * *

Есть скрипачи, которые фальшивят не в смысле интонации, а нутром. И тогда умопомрачительность их техники теряет для меня всякое значение.

---

* * *

С трудом дослушал до конца запись первой симфонии Бетховена в исполнении аутентистов. Наверное, так звучит музыка в царстве теней. С аутентистами, как со всякими сектантами, надо быть всегда начеку, держа в уме, что перед вами не люди, а призраки, которым ненавистно живое и полнокровное искусство. Они опасны, поскольку превращают музыканта-исполнителя в раба догматически понимаемого текста. Аутентисты, адвентисты, сайентологи, сатанисты...

Все они — одного поля ягоды. Советую молодым музыкантам держаться от них подальше. Мертвый хватает живого. Там, где правит аутентизм — нет места для порыва страсти, для пылливости ума, для полета воображения. Там — доктринерство, крохоборство и буквоедство. Дружба с ними искусству противопоказана.

---

* * *

В небесах тоже, вероятно, происходит нечто вроде передела мира. Высшие силы выясняют отношения между собой, а мы на земле переживаем это в виде засухи, ураганов и наводнений.

---

* * *

Любуясь на зарево американских бомбежек Ирака, российские либералы надеялись, что и большинство наших граждан желает победы американцам, а когда оказалось что нет, почувствовали себя оскорбленными. Какая отсюда мораль? Если чувствует себя оскорбленной прислуга (а ведь наши либералы есть специфическая, хорошо оплачиваемая прислуга США), чувствует себя оскорбленным и господин. Не будем оскорблять Америку, ибо еще рано.

Бессильны миротворцы! — гласит новоиспеченная мудрость масс-медиа.

— Все что нужно, сделают американские brave парни. Головы иракцам снесли — сами их потом и приставят. Что значит — народ Ирака не виноват? А кто много лет дразнил Америку культом Саддама Хусейна? Вот и додразнились. Российское же быдло этого никак не поймет. Может реформа ЖКХ их образумит?

---

* * *

Нет таких нравственных опор, которые не обратил бы в труху рожденный ползать, платный патриот Америки, проживающий **как бы** в России. За десять лет новаций и пертурбаций, понимаешь: тварь, просочившаяся во все общественные структуры, принесет нам еще немало бед.

---

* * *

Россия произвела на свет очередное чудо — евро-
совка.

В сексе, как в революции: цель — ничто, движение — все.

* * *

---

* * *

Андрей Вознесенский — это Бобчинский от поэзии. Он всегда наступает событиям на хвост. Господин Бобчинский, где друг ваш Добчинский? Мне подсказывают: Добчинский — это его жена Зоя Богуславская.

Вот он, маэстро в вечной косыночке-шарфик, вечно хвастливый. И с Горбачевым-то он водку пил, и с четой Рейганов ужинал. И обязательно напомним: благословлен на путь творчества не кем-нибудь, а самим Пастернаком. «Горбачев первым из генсеков осилил «Бесов» Достоевского», — умиляется Вознесенский. Ну и что? Одних осилил, других наплодил. Сталинские методы управления страной как были до него, так и остались. Последний генсек держался за них до последнего. Иное дело — отношение с Западом. Чего мелочиться? Подарил Европе объединение Германии, заодно швырнул Хоннекера недобиткам на съедение. Это Горби-то — «заложник надежды», «солнечный зайчик»? Додумался же поэтический мэтр!

Крупные политики, за редким исключением, все — из породы волков. И Горбачев тоже. Ему, темной лич-

---

ности, политчемпиону по сидению меж двух стульев, гласность была нужна прежде всего для того, чтобы дать простор лавине компроматов. С их помощью предстояло убрать противников реформ. Тут новые бесы постарались на славу. Никогда не забуду, как этот «солнечный зайчик» поступил с депутатом Сахаровым, как уверенно и ловко руководил хором номенклатурной черни, солидарной в ненависти к человеку, непохожему на нее.

«Чьим он зеркальцем заслан, зайчик?» Вот именно, чьим?

---

* * *

Народ, уже не советский, еще не русский, садясь на иглу блатных песен (песен душегубов, песен от лица душегубов), тем самым показывает, что ему приятно всепроникающее зловоние криминала, что он принимает нынешний олигархический режим с его циничным лозунгом «Россия без русских».

---

* * *

В одном из фрагментов «Веселой науки», Ницше мечтает о музыканте, знающем «только скорбь глубочайшего счастья».

Сожалеет, что «такой музыкант еще не родился». Как?? А Моцарт? Разве не он был тем композитором, кто выразил в звуках эту напряженную двойственность, эту сладостную тревогу, возведя ее в степень космизма? Философствующий моцартианец Ницше проглядел Моцарта, не узнал в нем родственную душу.

---

* * *

Аутентисты занимаются умерщвлением музыки.

---

* * *

Какое чудо — поэзия Бориса Пастернака и как затрапезен на ее фоне роман «Доктор Живаго». Рыхлый по форме, наивный по содержанию. Что-то вроде писем двух любовников восемнадцатого века, живущих в городке у подножья Альп.

Довольно пресная личность этот Юрий Живаго — интеллигент, которого однажды прорвало, и он бросил в сердцах: «Ах, подите вы! Зачем мне все знать и за все распинаться? Время не считается со мной и навязывает мне что хочет. Позвольте и мне игнорировать факты». Но факты таковы, что игнорировать их опасно и главные герои бегут от демона революции в глубь России, где предаются хозяйственным заботам, а по вечерам размышляют вслух о событиях бурно текущей политики. По-моему, реакция набоковских героев «Адмиралтейской иглы» куда более адекватна. Они выдерживают по отношению к революции позу высокомерной дистанцированности. «Мы с Катей были слишком поглощены друг другом, чтобы засматриваться на революцию». Тут дыхание правды. Влюбленные всегда апо-

---

литичны. Это им к лицу. А Лара и Юрий? Не отводя глаз от революции, они немалый кусок любви отламывают от себя и отдают ей. Довлеет воспоминание об очарованности демоном, которого они приняли за Бога. В «Докторе Живаго» Пастернак рискнул, наконец, отойти от вынужденной привычки выражаться обиняками, прибегать к историческим параллелям в размышлениях о постреволюционной России. Но что-то стряслось в процессе работы: то ли замысел перезрел, то ли правда о советской стране и поэтическое сознание автора не узнали друг друга... И родился роман, где многие вещи названы своими именами, роман с двумя-тремя вспышками пастернаковского гения (сцена гибели Гинца, гибель самого Живаго, мысли о закономерности прихода Христа в мир) плюс органнне аккорды, завершающих книгу стихов.

До нобелевской премии — официально полупризнанный, после ее присуждения и скандала с «Доктором Живаго» — полузапрещенный, Пастернак удостоился юбилейных торжеств спустя 30 лет после смерти, за год до падения Советского Союза.

Всю жизнь я быть хотел как все,

Но век в своей красе

Сильнее моего нытья

И хочет быть как я.

Стремясь быть как все, он порой балансировал на грани отказа от гуманистических традиций русской литературы, но не переходил за черту, не ударялся в аутомазохизм, вирусы которого носились в атмосфере сталинщины. Вспомним страшное признание Мандельштама из оды Сталину: «я у него учусь не знать к себе пощады». Пастернак, к счастью, был огражден богатейшей внутренней культурой от опасности изуверского самоедства. Идя на уступки железному веку, в главном остался верен себе, не менял вкусов и предпочтений. Но быть хотел как все. Интеллигентский синдром? Толстовская идея опрощения в новых условиях? Смысл первой строки находим вне поэмы, в очерке «Лили Харазова»: «под посредственностью обычно понимают людей рядовых и обыкновенных. Между тем обыкновенность есть живое качество, идущее изнутри, и во многом, как это ни странно, отдаленно подобное дарованию. Всего обыкновеннее люди гениальные, которым сверхчеловечество кажется нормальной нравственной мерой, суточным рационом существования. И еще обыкновеннее, неописуемо, захватывающе обыкновенна природа. Необыкновенна только посредственность, то есть та категория людей, которую издавна составляет так называемый «интересный человек». С древнейших времен он гнушался рядовым делом и паразитировал на гениальности, которую неизменно извращал, не только перевирая ее прямые учения, но и ее собственные средства, потому что всегда понимал ее

как какую-то лестную исключительность, между тем как гениальность есть предельная и порывистая, воодушевленная своей собственной бесконечностью правильность. В особенности повезло посредственности в наши времена, когда романтику, анархизм и ницшеанство она подхватила как роспись вольностей, дарованных ее бесплодью». Пастернак, по известным причинам, не упоминает о подхвативших марксизм, но он их подразумевает. Быть как все — значит жить без позерства, без демонстрации своего превосходства, реального или мнимого. Не быть как все, напротив, есть импульс посредственности, выстраивающей себе карьеру на игре в гениальность. Итак, поэт хочет быть как все. Но век в своей красе хочет быть как он, то есть жаждет индивидуальности, неповторимости, величия, наконец. А так как, согласно парадоксальной мысли Пастернака, выделяться из окружения любит именно посредственность, то век, по существу, зауряден. Он — век-паразит, век-ничтожество, «перевирающее прямые учения гения», марксизм, в том числе. Цель века сего — уничтожение носителей таланта, тех, кто всю жизнь хотел быть как все. Подозреваю, что в цитированных выше строках из поэмы «Высокая болезнь», Пастернаком зашифровано подлинное его отношение к времени, в котором он жил. А ключ к шифру находится в тексте очерка. Не удержусь, приведу еще отрывок из «Ответа на анкету Вечерней Москвы». Он до конца прояснит смысл хрестоматийного четверостишья: «добровольно

или против воли все мы еще толпимся перед зрелищем времени, которое никак не может привыкнуть к мысли, что вслед за войной оно вошло в историю. Подобно войне, оно хочет быть больше и громче людей и, отрывая нас от нашей жизни, в которой только и может быть его правда, все еще не может уходить, размниваясь в каждодневных самовозвеличениях».

Для советских вождей и подконтрольных им литчиновников, Пастернак всегда оставался чужаком, или как теперь говорят, маргиналом. Еще бы! Ведь это был человек, насквозь пропитанный европейской культурой, поэт гетевской породы.

---

* * *

Чего хотел Солженицын, поднимая на пьедестал героизма генерала-предателя? Почему, опытный физиологист, он на лице Власова прочитал совсем другую историю — трагическую, тогда как видна была, зияла — уголовная? Хотел так прочитать? Я думаю, Солженицын нашел в нем антитезу советского патриотизма. Он выжал все возможное и невозможное из истории с генералом Власовым, чтобы заставить нас поверить в его героизм. Писатель настаивает на предательстве от безвыходности, сочувствует Власову как предателю поневоле, как жертве роковых обстоятельств. Так и слышу внутри себя солженицынский фальцет: «я докажу вам, что и предатель может быть героем!» Предатель русского народа, борющийся за его свободу? Эта диалектика выше моего понимания. Зато легко понять (но не принять), нигилизм Солженицына в отношении к Зое Космодемьянской, которая персонажем его пьесы «Пир победителей», названа «глупенькой». Без сомнения, се голос автора. Зоя, погибшая как мученица с именем Сталина на устах, олицетворяет ненавистный

Солженицыну «дутый советский патриотизм». А настоящим патриотом, выразителем русского духа является для него генерал-перебежчик, в сущности, полицей, возомнивший себя спасителем России от ига большевиков. Тогда за какую же страну, ради каких идеалов шла на гибель школьница с лицом античной богини? Как могла, она защищала Советский Союз, власть Советов, социализм. Вот почему всемирно известный писатель отказывает ей в праве называться русской патриоткой. Для меня же она не просто героиня-лазутчица, но святая, канонизированная самой жизнью.

---

* * *

Уже век прошел, а злопамятство немцев к Генриху Гейне так и не выдохлось. Нельзя долго гладить нацию против шерсти, тем более, нацию немецкую, тем более, если это делает поэт еврейского происхождения. Бюргерство не простило ему победного смеха над святынями Германии, над своим домостроем, над «своей конституцией куцей». Похожий тип художника, оппонирующего государству, постоянно заявляет о себе в России: Лермонтов, Грибоедов, Розанов, Синявский, Бродский. Они срывались на Россию за все ужасы ее прошлого и настоящего, проклинали страну колоритно. Глумясь над ее пороками, подчас больно задевали то, в чем проявлялось ее своеобразие. И что же? Мы им все (или почти все) простили. Не жалеем, гордимся их именами. В каждом городе у нас улица Лермонтова, памятники его стоят на Кавказе и в центральной России. В Петербурге, кажется, появился памятник Бродскому. Наш патриотизм не запрещает душе бунтовать против пороков, уродующих страну. Я бы даже сказал: он предполагает и смех над ними и гнев против них. А не-

---

мецкий патриотизм? Это уже, как говорится, совсем другая песня. Он мало изменился со времен Фридриха Великого. Серьезен до тошноты, спесив, с явным душком национальной исключительности. Гибкости, присущей русскому патриотическому чувству, разумеется, нет и в помине. Возможно, немец и переживал когда-нибудь сладостную ненависть к бывшей подруге, но «сладостно отчизну ненавидеть», это умел только он, Генрих Гейне. Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем немцам примириться с дерзким, независимым духом его творчества.

---

* * *

За моцартовский мотет «Ave verum» я отдал бы все православные и католические хоралы. Он заменяет мне ежедневную молитву. Это музыка достигающей до звезды покорности. Для чего посещать храм, когда Моцарт рядом? Ведь он и есть посредник между мной и Богом. Других не надо.

---

* * *

В поэзии Набокова чудо новизны случается редко, в отличие от прозы, где он царь и бог. Но вот — совершенно поразительное по откровенности, ясновидческое стихотворение «Лилит». Стихотворение — сердцебиение, в котором русский поэт воссоздал не только момент слияния с порочным юным существом, но и физическое ощущение момента.

Змея в змее, сосуд в сосуде
К ней пригнанный, я в ней скользил...

Отмечу неназойливость поэтических находок: «с бородкой мокрой между ног», «с медленностью озорной», «мучительно я пролил семя», «по детски взяв меня за пламя».

Ад, не сразу угаданный автором «Лилит», напоминает описание преисподней у Сведенборга. Никакой геенны огненной, ни стонов, ни скрежета зубовного. Пыльная улица, фавны, мерзко блеющие дети, козлогонный рыжий народ. Если бы я снимал фильм по набо-

---

ковской «Лолите», то обязательно взял бы эти стихи
прологом к нему. И читал бы их голос за кадром:

И вот теперь, в том самом фраке,
В котором был вчера убит,
С усмешкой хищною гуляки
Я подошел к моей Лилит.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

1

Игорь Северянин жил и писал в эпоху первого искушения России капитализмом, первой русской революции, опрокидывания государства большевиками. А сам он был едва ли не первым русским шансонье, поэтом-гастролером, выступления которого проходили на «ура» в залах, до отказа забитых обожающей его публикой. О чем он пел, этот долговязый человек с лицом скорее маклера, чем поэта? Мягкая обволакивающая кантилена строк дышала мечтой жить легко, красиво и безмятежно. Поэты были голосистые, но не сладкоголосые, как, например, стихи М. Кузмина, по прочтении которых кажется, что ты объелся пирожных. Северянин пел изящное прожигание жизни. Очень скоро, однако, грохот войн и революций заставил его на многое посмотреть другими глазами.

В лихорадке вооружения

Тот, кто юн, так и тот, кто сед,

Ищет повода для сражения
И соседу грозит сосед.
Просветительная наука,
Поощряющая войну,
Вырвет думается у внука
Фразу горькую не одну.

А холопское равнодушие
К победительному стиху,
Увлечение махровой чушью
И моление на чепуху?

Ложный свет увлекает в темень.
Муза распята на кресте.
Я ни с этими и ни с теми,
Потому что как эти — те.

И все-таки поэт гораздо убедительнее там, где живописует, а не рефлексировать на социально-политические, либо моральные темы. Что органично для Курочкина с Минаевым (Маяковский — сам третьей), то для Северянина — одежда с чужого плеча. Злость не идет ему. Заметно, что он не поднаторел в «злобе святой», как эти трое. Возмущается поэт, но это какое-то зачехленное в бархат возмущение. Абсолютно точно он написал о себе: «иронизирующее дитя». Конечно — дитя, ибо спонтанна его ирония, спонтанна и безобидна. Северянин еще раз подтверждает ту истину, что можно сколь угодно насмехаясь, испытывать вместе с тем не-

---

кую симпатию к объекту насмешки. Ко всем этим великосветским хлыщам, нуворишам, нороящим в аристократы, к этой хорошо умытой пошлости салонов и гостиных. Перефразируя Пушкина, поэт Северянин и злоба — две вещи несовместные.

2

Есть у Гейне цикл стихов «Разные», где перед нами резвой чередой проходят его парижские подруги: Серафина, Анжелика, Диана, Гортензия. Северянин тоже оставил нам некоторых из своих «разных»: Нелли, Зизи, Валентина, Тиана, эксцессерка, грезэрка, гурманка, женщина в тюльбери. Героини его стихов (кроме хорошей девушки, скорбящей о сломанной мельнице), либо тайные сладострастницы, либо не знающие передышки в любви, сексуально одержимые женщины. И не отсюда ли выпорхнула набоковская нимфетка?

Ее любовь проснулась в девять лет,
Когда иной ребенок занят куклой.
Дитя цвело, как томный персик пухлый,
И кудри вились, точно триолет!

Любовь дала малютке амулет:
Ее пленил — как в сказке — мальчик смуглый...
Стал через месяц, месяц дружбы — круглый.
Где виконтесса наше трио лет?

Женские образы Северянина относят меня к полотнам великого итальянца — «Весне» и «Рождению Венеры». В женских фигурах Боттичелли — никакого излишка плоти, убивающего эротику. При всей предполагаемой виртуозности их ласк — это вечные девы. Для них построил поэт свой терем грезовый, а не для матронистых жриц любви.

Им подсказал инстинкт их звончатый
Избрать мой грезовый гарем.
Они вошли душой бутончатой.
Вошли — как Ромул и как Рем!

И распустилось царство новое
Страна безразумных чудес
И восхищен своей основой
Дышу я душами принцесс!

3

О стихах его советская критика высказывалась так: «талантливый поэт, но какая невзыскательность вкуса, какая манерность!» Находила духовное родство меж ним и чувствительными Вербицкой и Чарской, иногда присоединяя сюда «литературного порнографа» Арцыбашева. Даже в пору хрущевской оттепели назвать Северянина в числе тех, кто на вас влиял, в числе своих учителей, было бы равносильно признанию в крово-

---

смешении, или, допустим в том, что листаете «Плейбой» на досуге. Мне вспоминается реплика Евтушенко: «какой я Северянин, дураки!» Совсем не хотелось ему сравнения с автором «Громокипящего кубка». Якобы обиженный, он ответил критикам стихами. Теперь-то мы в «Плейбой» без опаски заглядываем, тем более в Северянина, играющего поэта. Он востребован, он снова в моде, правда, уже в негромкой — у людей, уставших от ученой, переутонченной поэзии, от умственной мертвечины, у всех — взыскующих трогательной чистоты (дыхание которой ощутимо и в самых фривольных его строках). Мне кажется он был бы интересен и нашим буржуа, потрудись они открыть томик стихов поэта. Все, что так ценит эта публика (роскошь, вино, секс, экзотика) представлено в творчестве Северянина в высшей степени талантливо. **Представлено**, повторяю, ибо его поэзы суть маленькое представление:

На ваших эффектных нервах звучали всю ночь сонаты
А вы возлежали на башне на ландышевом ковре...
Трещала, палила буря, и якорные канаты,
Как будто титаны-струны, озвучили весь корвет.

Но разве вам было дело, что где-то рыдают и стонут,
Что бешеный шторм грохочет, бросая на скалы фрегат.
Вы пили вино мятежно, вы брали монбланную ноту!
Сверкали агаты брошек, но ярче был взоров агат!

Трещала, палила буря. Стонала дворцовая пристань.
Кричали и гибли люди. Корабль набегал на корабль.
А вы, семена гранаты, смеясь целовали артиста...
Он сел за рояль как гений — окончил игру, как раб.

А вот стихи, которые как будто поэтическим клип-мейкером написаны:

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!
Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолет буэров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!
В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!

Кто еще из наших поэтов умел так красиво уйти в мир эротических грез и по-хозяйски в нем обосноваться? Один он. И если Пушкин — Бог русской поэзии, то Игорь Северянин — вечный ее король.

Александр Борисович Пауткин

САЛЪЕРЕСЬ

Эссе, афоризмы, этюды

Технический редактор *Л. Николаева*

Корректор *Е. Ремизова*

Подписано в печать 04.03.2004г. Формат 70x108/32.

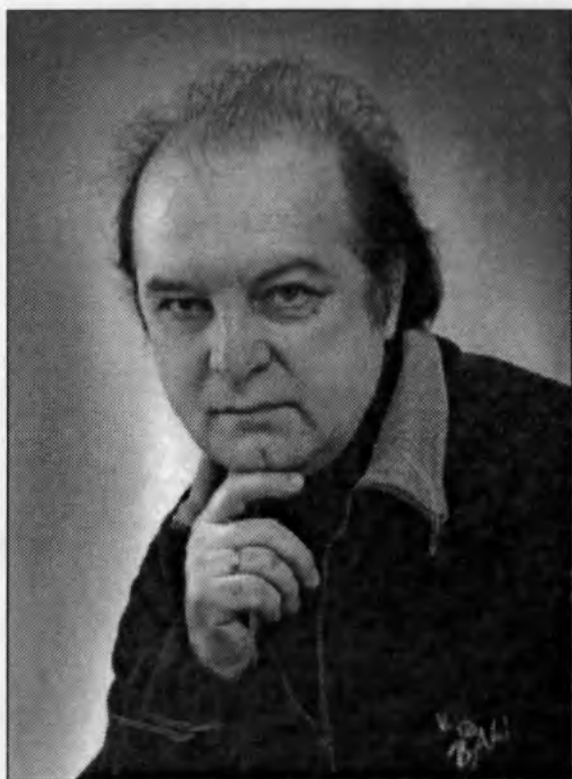
Печать на ризографе. Гарнитура BalticaC.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,8.

Тираж 200 экз. Изд. № 200.

Верстка и печать ТОГУП «Тамбовполиграфиздат».

392602, Тамбов, Моршанское шоссе, 14.

В новом сборнике этюдов-миниатюр Александр Пауткин в полемически заостренной форме размышляет об искусстве, политике, нравственности. Тревогой проникнуты заметки о положении культуры в нынешней России. Ироничны и язвительны характеристики отдельных писателей, а также проамерикански настроенных представителей СМИ